

ИСПОЛНИЛОСЬ 170 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ГЕРЦЕНА

«БОРЬБА — МОЯ ПОЭЗИЯ!»

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает
старший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский дом)

Академии наук СССР,

кандидат филологических наук

Владимир ТУНИМАНОВ

АЛЕКСАНДР Иванович Герцен занимает совершенно исключительное место в истории русского освободительного движения, развитии отечественной литературы и общественной мысли. Философ и публицист, писатель-художник и теоретик искусства, историк и издатель-журналист — таковы разнообразные сферы духовной жизни, где ярко раскрылась необычайно богатая индивидуальность этого человека. Он поражаля современников глубиной и разносторонностью своего ума, оригинальностью мысли, энциклопедичностью познаний — и всем этим с необычайной щедростью делился с людьми.

Очень важную веху Герцен обозначил в развитии русского освободительного движения. Принадлежит, по известному выражению Владимира Ильича Ленина, к поколению дворянских, помещичьих революционеров, он стал связующим звеном между декабристами и революционерами-разночинцами 60-х годов: «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закаляли революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»...». Далее Ленин писал: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционность народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма».

В истории русского печатного слова до герценовского «Колокола» не было газеты, которая обладала бы такой властью над умами читателей. Листы «Колокола» из Лондона нелегально провозились в Россию и служили оружием огромной обличительной и пропагандистской силы. Как писал Ленин: «Колокол»... встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».

Жизнь и литературное наследие Герцена — выдающийся вклад в сокровищницу того исторического опыта, который помог России освободиться от векового рабства.

Этот разговор состоялся в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР, где корреспондент «Смены» встретился со старшим научным сотрудником, кандидатом филологических наук Владимиром Артемовичем ТУНИМАНОВЫМ.

— Владимир Артемович, чем вас, ученого-филолога, прежде всего привлекает такая личность, как Александр Иванович Герцен!

— Поскольку я литературовед, то меня, естественно, прежде всего интересует Герцен-художник, чье словесное искусство чрезвычайно высоко. Недаром же его талант так ценили Толстой, Лесков, Тургенев, а Достоевский определил «главную сущность» деятельности и творчества Герцена такими словами: «Он был, всегда и везде, — поэт по преимуществу. Поэт берет в нем верх везде и во всем. Агитатор — поэт, политический деятель — поэт, социалист — поэт, философ — в высшей степени поэт...». Достоевскому удалось очень точно найти верную точку в определении главной сущности Герцена, тот угол зрения, который позволяет представить все его творчество как некое единство, пронизанное особым эстетическим началом, отличающим даже философские работы...
— Мы же привыкли, обращаясь к Герцену, в первую очередь говорить о нем не

как о художнике, а как о выдающемся мыслителе, революционере...

— Конечно, в революционном движении его имя стоит так же высоко, как имена Мадзини, Гарибальди, Кошута, Чернышевского, а как философ Герцен, по словам Ленина, «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». Всесторонне, европейски образованный человек с удивительной широтой научных интересов, он одинаково свободно чувствовал себя в философии и естествознании, истории и литературе... Да, Герцен — художник выдающийся, причем — художник, творивший в своем жанре. Он не романист, к жанру романа относился скептически, потому что там есть «некоторого рода искусственность», а он любил произведение «свободные» — такие, как «Фауст», поэмы Байрона, лирика Leopardi, «Исповедь» Руссо... Даже очень совершенному в эстетическом смысле роману предпочитал бесыскуность мемуара, потому что «герои романа похожи на анатомические препараты

ней и внешней свободой, которую предоставляет элистолярия!»

— Безусловно. Создавая свои знаменитые циклы писем, Герцен выдвигал тех или иных конкретных оппонентов (Тургенева, Самарина, Бакунина), но адресовался, однако, не только к ним, а к «партиям», чьи мнения эти люди олицетворяли. Конкретная личность оппонента обобщалась до «предельного типа»... Герцен вообще не мыслил жизни без диалога, полемики («Я ржавею без полемики. Нет ничего скучнее, чем монолог») и рад был любой возможности сразиться с достойным бойцом, сильным противником. Когда же такового в наличии не было, он его специально конструировал, чтобы этот воображаемый собеседник мог своими вопросами и репликами нарушить спокойное течение статьи...

— Возвращаясь к разговору о Герцене-художнике: ведь этот человек никогда не мыслил себя в отрыве от традиций русской литературы!

— Да, его книга «О развитии революционных идей в России» более чем наполовину представляет собой очерк литературы нового времени. Русские писатели, по Герцену, — лучшие выразители национального духа. Так, Ломоносов — «был знаменитым типом русского человека», Пушкин — «наиболее совершенный представитель широты и богатства русской натуры»... Герцен был и великим реформатором русского литературного языка. Он не только мощно влиял на современную литературу, как идеолог, но и «заражал» ее своей лексикой, синтаксисом, тональностью...

— В чем же заключается индивидуальность герценовского языка!

— Когда-то Тургенев выразился об этом очень образно: «Язык его, до безумия непривычный, приводит меня в восторг: живое тело». Это язык свободного человека, голос независимой личности, обнаруживающей свое неповторимое «я» и на лингвистическом уровне. Его остроумие я бы назвал французским по форме и очень русским по содержанию. «Секущее православие», «патриотическая моровая язва», «навуходоносоровский материализм», «диалектический таран» — эти и другие фразеологические сочетания отлично рекомендуют умную, ироничную, точную мысль Герцена. Естественно, что его остроты действовали безотказно, надолго входя в сознание современников. Так, Толстой не раз приводил в своей публицистике герценовское изречение-пророчество: «Чингисхан с телеграфами, пароходами, железными дорогами». Еще чаще обращался к ним Достоевский: «мясник Рубенс» отразился в «Зимних заметках о летних впечатлениях», «Колумб без Америки» — в «Идиоте», «равенство рабства» — в «Бесах»... Смелый и независимый язык Герцена, считавшего нечестным поступком любую недоговоренность и туманность, неутомимо разоблачавшего словесную демагогию и трескотню, оказал большое влияние на русскую публицистику — вплоть до Ленина. Молодым людям стоит почаще обращаться к произведениям Герцена: могучее слово выдающегося художника-публициста внимательного читателя не может оставить равнодушным. Каждая герценовская строка пронизана поэзией борьбы, не случайно же этот человек однажды сам сказал о себе емко и образно «Борьба — моя поэзия!».

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ

— Обращает на себя внимание пристрастие Герцена к жанру писем. Очевидно, оно связано именно с той внутрен-